

Иван Тургенев

Племянница

Иван Тургенев

Племянница

«Public Domain»

1851

Тургенев И. С.

Племянница / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1851

Основные положения статьи Тургенева о романе «Племянница» связаны с литературно-эстетическими позициями Тургенева в конце 1840-х – начале 1850-х годов. Кроме того, эту статью следует рассматривать в связи с работой Тургенева над его первым романом «Два поколения». В статье о «Племяннице» он по существу изложил свою теорию романа, высказался по поводу будущего развития этого жанра в России, где, по его мнению, возможны лишь романы сандовского и диккенсовского типа, т. е. романы с социальной проблематикой и социальными типами.

© Тургенев И. С., 1851

© Public Domain, 1851

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Иван Сергеевич Тургенев

Племянница

Роман, соч. Евгении Тур. 4 части, Москва, 1851.

Было время – несколько лет тому назад – в отечественной критике завелась своего рода табель о рангах – подразделение пишущих людей, которые, смотря по их способностям, удостоивались различных степеней: простого беллетриста, дагерротипического изображателя нравов, простого таланта, художественного таланта, гениального таланта и, наконец, даже гения.^[1] Была также степень гения мирового, но до той степени доходили немногие. Это время прошло теперь вследствие, между прочим, и оказавшейся несостоятельности многих гениальных талантов и гениев; оно прошло, и мы смеяться над ним не будем. В этой, с виду педантической, классификации было гораздо более молодости воззрения, более веры в искусство и его деятелей, чем в наше положительное, сухое и равнодушное время. Системы вообще создаются энтузиастами и применяются ими... Нам, старикам, теперь не до систем. И потому мы не станем прибегать к терминологии тех давнопрошедших времен, мы не потревожим ее праха; но мы попросим у читателя позволения сказать несколько несистематических слов о талантах вообще, об их различных свойствах, прежде чем мы приступим к оценке произведения г-жи Тур. Читатели могут успокоиться: мы будем кратки; многословие юности прошло в нас вместе с эпохой, о которой мы говорили выше, а до старческой болтливости мы еще не дожили.

Мы начнем с известной всем истины. Бывают таланты двоякого рода: таланты сами по себе, независимые, как бы отделенные от личности самого писателя, и таланты, более или менее тесно связанные с нею. Мы не хотим этим сказать, чтобы таланты, названные нами независимыми, могли бы быть лишены постоянной внутренней связи с жизнью вообще – этого вечного источника всякого искусства – и с личностью писателя в особенности. Мы не верим в эти так называемые объективные таланты, которые будто сваливаются бог весть откуда в чью-нибудь голову и сидят себе там, изредка чирикавая, как птица в клетке; но, с другой стороны, мы не можем не чувствовать, что, например, лица Гоголя стоят, как говорится, на своих ногах, как живые, и что если есть между ними и творцом их необходимая духовная связь, то сущность этой связи остается для нас тайной, разрешение которой подпадает уже не критике, а психологии. В талантах же второго разряда, или, говоря безобиднее, в талантах другого рода, связь эта чувствуется читателем, произведения их, пожалуй, тоже могут стоять на своих ножках, но рука, их поставившая, от них не отнимается, пульс их бьется не своею кровью, вера в их существование сопрягается с некоторым усилием. Они живы не потому, чтобы в них самостоятельно сосредоточивалось живое начало, а потому, что их пустил в ход все-таки живой человек; зато эти произведения обыкновенно отличаются искренностью, задушевностью и теплотою; недостаток мастерства и оконченности выкупается другими интересами. В них, может быть, меньше истины, но сочувствия они часто возбуждают больше, особенно если в них есть то, без чего всё в искусстве ничтожно, – если в них есть личная правда. Разумеется, что в нашем подразделении нет ничего абсолютного: было бы смешно подводить бесконечное разнообразие художественных личностей под какие-то неподвижные графы; но общий смысл проведенной нами границы нам кажется верным и сообразным с действительностью.

Талант г-жи Тур принадлежит именно к талантам этого, положим, второго рода, и мы очень этому рады. Обыкновенно так называемые объективные таланты предпочитают и самими писателями, которые жаждут этого немецкого эпитета и добиваются его, как самого

---

[1] *Было время ~ таланта и, наконец, даже гения.* – О соотношении гения, таланта и гениального таланта постоянно писал В. Г. Белинский, в частности в 1846 г. в статьях: «Мысли и заметки о русской литературе» и «О жизни и сочинениях Кольцова» (см.: *Белинский*, т. 9, с. 454, 526, 528, 775).

лестного комплимента, и критиками. Про читателей этого нельзя сказать: они не пускаются в такие отвлеченности и любят то, что их занимает. Но, повторяем, мы очень рады, что г-жа Тур такова, какова она есть, и этому причина весьма простая: г-жа Тур женщина, русская женщина, и, как ни велико наше уважение к этой пресловутой «объективности», мнения, сердце, голос русской женщины – всё это для нас дорого, всё это нам близко... И это дорогое, это близкое едва ли не в первый раз заговорило в области искусства устами г-жи Тур. Писательниц у нас было много на Руси; иные из них владели замечательными способностями; но из всех из них одна – мы просим извинения у живых – уже теперь не живая, г-жа Ган,^[2] могла бы оспаривать у г-жи Тур то преимущество впервые сказанного слова, о котором мы сейчас упомянули. В этой женщине было действительно и горячее русское сердце, и опыт жизни женской, и страстность убеждений, – и не отказала ей природа в тех «простых и сладких» звуках, в которых счастливо выражается внутренняя жизнь; но сочинительство ее погубило, литература (как ни странно это слово, но оно верно), литература повредила ей, желание создавать, творить разрешилось у ней хлопотливым бессилием, и Марлинский окончательно наложил на нее печать своей пагубной витиеватости. Она осталась прекрасным, даже, пожалуй, трогательным воспоминанием в памяти любителей изящного; но в поэзии, настоящей, живой, ей места нет. Счастье первого удачного начинания принадлежит г-же Тур, хотя и в ее произведениях, как мы увидим ниже, местами отразилось влияние той риторики, в плевелах которой заглохло, наконец, прекрасное дарование ее предшественницы.

Г-жа Тур явилась в первый раз перед публикой не более двух лет тому назад. Все помнят впечатление, произведенное «Ошибкой», – впечатление, поддержанное «Долгом» и окончательно утвержденное «Антониной», эпизодом из разбираемого нами романа. (Мы не говорим ни о «Первом апреле», неудачной попытке в роде, совершенно чуждом для г-жи Тур, – в роде драматическом, ни о «Двух сестрах», повести, помещенной в «Отечественных записках». Любой талант не мог бы справиться с затруднениями, неизбежно вытекающими из ложности основной мысли этого произведения.)^[3]

^[2] ...уже теперь не живая, г-жа Ган ~ пагубной витиеватости. – Ган Елена Андреевна, рожденная Фадеева (псевдоним Зенеида Р-ва, 1814–1842), – писательница, в произведениях которой содержался протест против униженного положения женщин в семье и обществе. Белинский называл Е. А. Ган, имея в виду ее повести «Напрасный дар» и «Любонька» (*Отеч Зап.*, 1842), «даровитую писательницу» (*Белинский*, т. 6, с. 537). Однако позднее в большой статье «Сочинения Зенеиды Р-вой» (1843) Белинский отмечал, что «главный и существенный недостаток» ее произведений – «отсутствие иронии и юмора и присутствие какого-то провинциального идеализма à la Марлинский» (*Белинский*, т. 7, с. 670). Точка зрения Тургенева на творчество Е. А. Ган, таким образом, близка к тому, что писал о нем Белинский.

^[3] Все помнят впечатление, произведенное «Ошибкой» ~ мысли этого произведения)... – Повести «Ошибка» и «Долг» были напечатаны в «Современнике» (1849, № 10, отд. I, с. 137–284; 1850, № 11, отд. I, с. 5–60). «Антонина», эпизод из романа «Племянница», появился в учено-литературном альманахе Н. М. Щепкина «Комета» (М., 1851, с. 257–426), где были опубликованы и «сцены из светской жизни» под названием «Первое апреля» (с. 5–85). Повесть «Две сестры» напечатали «Отечественные записки» (1851, № 2, отд. I, с. 16–292). Ложной Тургенев считал основную мысль этой повести – отказ старшей сестры (Елены) от любимого ею и любящего ее человека ради младшей сестры (Иды), в свою очередь полюбившей его же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания